

Есть контакт! Между Востоком и Западом

Фестиваль Владимира Спивакова в Кольмаре — взаимодействие культур Запада и Востока под знаком Кшиштофа Пендерецкого — прошел на высоком музыкальном уровне.

«Благодаря иностранцу Кольмар из года в год целиком посвящает себя благородной и прекрасной миссии — быть связующим звеном между Востоком и Западом. Для кольмарцев сегодня американская, венгерская или русская музыка не тайна. Каждый год они проходят усердное обучение, совместное по насыщенности подготовке космонавта на Байконуре».

Иностранец — это Владимир Спиваков. Кольмар — город в Эльзасе, Франция. А на текст про Байконур вице-мэра этого города Габриеля Бренера вдохновил музыкальный фестиваль, который Спиваков проводит в Кольмаре каждый год. Впрочем, даже не будучи кольмарцем, к фестивальной программе можно подходить с позиции того же культурного обмена, но со своим шкурным интересом. Проще говоря, охота ли тебе при случае услышать того или иного артиста (а в случае с современной музыкой — тот или иной опус) в Москве или можно обойтись.

Кстати, насчет «обойтись». Спонсоры фестиваля поначалу подумали, что две недели музыки Кшиштофа Пендерецкого — а именно пану Кшиштофу, которому в этом году исполняется семьдесят, Владимир Спиваков посвятил пятнадцатый Кольмарский — проект гиблый, и денег на него дали относительно немного. За что, судя по перманентным аншлагам во всех фестивальных залах, попали в положение известной вдовы нижнего армейского чина. Зря, что ли, Спиваков прививал Кольмару вкус к музыке XX века — из года в год, от Шенберга и Берга до Шостаковича, в завидном объеме и качестве?

В этом году, впрочем, самого Владимира Спивакова — скрипача и дирижера — на фестивале было совсем немного. Сцена Кольмара была отдана в основном музыкантам из Польши и тем, кто исполняет польскую музыку. В

исторической перспективе — от Пендерецкого до Миколая Зеленского, XVII — XVIII вв. В лучшие фестивальные вечера эта машина времени работала с полной отдачей. Например, знаменитый Андраш Шифф играл прелюдии Шопена на аутентичном рояле Плейеля; в сочетании с акустикой кольмарского храма Сен-Матье (XIV в.), в котором проходят вечерние концерты, — эффект поразительный. Или шопеновский же Второй фортепианный концерт в исполнении Петра Палечного, который напомнил о пианисте Владимире Пахмане, блиставшем в первой половине прошлого века. Играл Пахман красиво и очень виртуозно, любясь каждой нотой, выходящей из-под его пальцев. Настолько, что некоторые пассажи, которые он считал особенно удавшимися, мог в концерте и повторить.

Петр Палечный до такого радикализма, понятно, не доходил; в остальном же сходство поражало. Оценивать такой пианизм, предельно романтический по духу и традиции, можно по-разному. Можно назвать манеру Палечного крайне артистичной, а можно — вычурной. Можно говорить о том, что Шопен в его исполнении был по-настоящему породист, или назвать его «густопсовым». Все зависит от убедительности того, что происходит на сцене. Палечный был в высшей степени убедителен. Если кто-либо привезет его в Москву, нас ожидает один из самых шопеновских вечеров последнего времени.

Было бы здорово послушать в Москве и сочинения самого пана Кшиштофа Пендерецкого — например, Концерт для флейты и камерного оркестра с Патриком Галуа в качестве солиста, или Концерт для трех виолончелей — если можно так назвать, написанный в пост-постмодернистском ключе

опус. А подлинное торжество синтетического стиля пана Кшиштофа намечалось в один из последних вечеров фестиваля — с концертом для фортепиано с оркестром «Воскресение». Правда, лично мне это торжество умудрились подпортить знакомые музыканты из Польши, которые еще до концерта поделились впечатлениями от прошлогодней варшавской премьеры «Воскресения»: половина зала — аплодисменты, другая — глухое отторжение.

— Немного позднего Рахманинова, чуть Прокофьева, процентов сорок Шостаковича... и все это в странной рыхлой форме, — определили коллеги.

Их правота подтвердилась в тот же кольмарский вечер. Солисту — лауреату конкурса Чайковского Барри Дугласу, за день до того блиставшему в качестве ансамблевого «диспетчера» в Секстете Пендерецкого (писать камерную музыку пан Кшиштоф в последнее время любит, и эта любовь взаимна) — развернуться в «Воскресе-

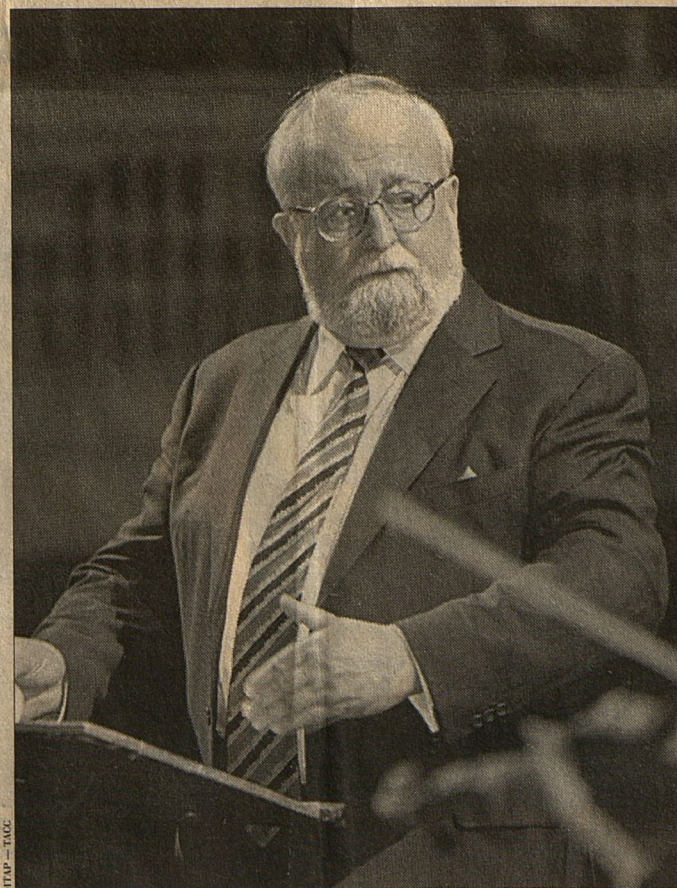
нии» особой возможности не представилось: партия фортепиано состояла в основном из хроматических гамм, нарезанных различным образом, громогласных аккордов и пассажей общевиртуозного свойства — восходящих к Четвертому концерту Рахманинова, Третьему Прокофьева... А когда в очередной кульминационный момент из оркестра зазвучал прямолинейный колокольный благовест, исчезли последние надежды на счастливый исход «Воскресения».

Оставалось два выхода: воспринимать происходящее всерьез или счесть «Воскресение» торжеством композиторской самоиронии пана Кшиштофа — хотя в популярно-музыкальном описании сочинения, данном официальным буклетом фестиваля, про таковую ничего сказано не было (обычно для европейской публики в подобных случаях обязательно пишут про «постмодернистский гротеск» или нечто подобное). Лично для себя я выбрал последнее — хотя бы

из уважения к юбиляру; да и успех «Воскресения» в Кольмаре был изряден. Однако везти это сочинение на родину Шостаковича не рекомендовал бы: юмора не поймут.

Впрочем, есть в Кольмаре одно место, где качество исполнения и подачи программы гарантированы на все сто и при любой погоде. Это традиционный концерт стипендиатов Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова. Здесь интересные взаимодействия принимают неожиданный, но всегда приятный уху оборот. Например, вальс Шопена может вполне пошопеновски звучать и на балалайке — при условии, что ее держит Илья Петров, тринадцать лет. Сочинения Игнацы Падеревского, виртуозно исполненные на аккордеоне Никитой Власовым, и совсем юная Евангелия Дилижона с шопеновской «Фантазией-экспромтом» весьма озадачили французских музыковедов, присутствовавших на концерте. Выяснилось, что Падеревского они до концерта фонда знали как редактора произведений Шопена и польского премьер-министра; а «Фантазию...» Евангелия исполнила в аутентичном шопеновском темпе, отчего прозвучала она необычно, но — как в случае с Петром Палечным — абсолютно убедительно. Прибавьте ко всему этому многообещающий академический саксофон в руках Жени Новикова и ударника Ростислава Шараевского с испанской программой, выросшей под опекой фонда из одного из мощнейших молодых музыкантов в своей области, — и вы поймете, почему в местных новостях на следующий день сообщали о том, что «юные десантники Спивакова взяли Кольмар без боя».

Сто процентов гарантии, что их успех — равно как и успех дела Владимира Спивакова в целом — будет повторен на следующем, шестнадцатом Кольмарском фестивале, который посвящен великой американской певице Джесси Норман.

Владимир Спиваков и Кшиштоф Пендерецкий соединили Восток с Западом

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ,
КОЛЬМАР — МОСКВА